

СТ.-ПРОВАНС. *LAUZENGIERS*:
К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА

В многочисленных статьях и монографиях, посвященных проблемам провансалистики, постоянно упоминается персонаж, обозначаемый в поэтическом языке трубадуров термином *lauzengiers* (букв. 'льстец').

Пожалуй, трудно представить себе кансону (*canso*), основной жанр провансальской поэзии позднего средневековья, без этой маргинальной, но совершенно неперменной фигуры.

Тем не менее, несмотря на неутихающий интерес к этому расплывчатому и трудно поддающемуся конкретизации образу, мы не можем сослаться на сколько-нибудь специальное исследование, выходящее за рамки простых упоминаний и произвольных предположений, отнюдь не проясняющих свойственного термину *lauzengiers* спектра значений и связанных с ними функций самого персонажа в куртуазной поэзии.

Только метод сплошной выборки текстов позволил вплотную подойти к функционально-поэтической семантике интересующего нас термина и провести этимологический анализ, показывающий эволюцию значений *lauzengiers*, в системе поэтического языка трубадуров.

Обследование более чем двухсот случаев употребления термина *lauzengiers*, которые удалось собрать по доступным в наших библиотеках провансальским памятникам, позволяет резюмировать его функциональную семантику в системе языка провансальской поэзии в целом, как 'клеветник, льстец' с некоторыми менее ярко выраженными оттенками.

Однако жанровые особенности поэтики трубадуров, выразившиеся главным образом в формальной статичности заранее данного набора готовых клише, почти не дают возможности проследить семантическую динамику слова *lauzengiers* в качестве факта обычного, не поэтического языка, хотя этимологическая связь данной провансальской лексемы с латинским *laus*, *-udis*, resp. *laudo*, *-are* (через вульгарно-латинское *laudemia*¹) и соответствующими его продолжениями в других романских языках несомненна. Впрочем, одни авторы этимологических словарей признают, как и Жанруа, эту связь непосредственной²; другие, в силу формальности реконструкции и ряда семантических трудностей, менее убедительно возводят ст.-прованс. *lauzengiers*, вслед за словарем Мейер-Любке (Meyer-Lübke. N 4947), к франкскому **lausinga*, ср. англ. *leasung* 'ложь, неверность, обман', др.-нсл. *lausung* 'ненадежность' и пр. При этом контаминация германского корня с лат. *laus* признается ими вполне допустимой³.

Значительные, на первый взгляд, расхождения в семантике провансальского и латинского слова делают правомерным пред-

положение о том, что в провансальском поэтическом языке *lauzengiers* предстает итогом сложной семантической эволюции.

В наибольшей мере именно последнее обстоятельство вынуждает обратиться к более детальному этимологическому анализу лексемы *lauzengiers* в надежде реконструировать недостающие семантические звенья или, если это окажется неосуществимым, попытаться найти какие-то потенциальные исходные точки для семантики провансальской лексемы в семантическом спектре лат. *laudo*, resp. *laus*. Практически это обуславливает необходимость выхода за пределы языка провансальской поэзии, как такового, и обращения к фактам, предоставляемым внешним сравнением из сферы тех же романских языков.

Действительно, в семантическом плане весьма велики, вплоть до контрастных, различия между прованс. *lauzengiers* 'льстец, клеветник, злоречивый сплетник' и классическим лат. *laus*, *-dis* 1) 'хвала, похвала, восхваление'; 2) 'слава, честь'⁴. Более того, семантический спектр вторичного по отношению к *laus* образования *laudo*, *-are* шире семантики производящего слова, что само по себе не должно удивлять, поскольку дериваты часто в большей неприкосновенности сохраняют первоначальную семантику. Согласно стереотипному латинско-русскому словарю Дворецкого—Королькова, значения *laudo*, *-are* следующие: 1) 'хвалить, восхвалять, прославлять, превозносить, одобрять'; 2) поэт. 'называть, (считать) счастливым'; 3) 'оправдывать, защищать, обелять'; 4) 'называть, указывать, упоминать, приводить, ссылаться'. Составители словаря, распределяя значения данным образом, создают впечатление, что самое частое и, так сказать, общепринятое значение является первоначальным и наиболее емким. Второе и четвертое значения, начисто лишенные экспрессивной окраски, здесь выглядят результатом деэтимологизации.

Немногом лучше обстоит дело с подачей значений в цитированном Оксфордском латинском словаре, где, правда, первым стоит специфическое значение 'произносить речь на чьих-либо похоронах', затем 'восхвалять' и последним 'представлять, называть, цитировать, указывать на кого-либо, что-либо'.

В качестве имени деятеля, т. е. вторичного образования по отношению к глаголу *laudare*, заслуживает внимания также *laudator*, имеющее среди прочих значения 'произносящий (хвалебную) речь на похоронах; панегирист; свидетельствующий, дающий показания в пользу к.-л.'

Только обратившись к этимологическим словарям, т. е. к историко-этимологическому анализу лат. *laus*, можно представить первоначальный комплекс значений, присущий этому слову и сохранившийся частично именно в поэтическом языке.

Словарь Вальде—Гофмана, опираясь на глоссу Авла Геллия: *laudare significat prisca lingua nominare appellareque «laudare»* обозначает в древнейшем языке 'nominare (называть)' и 'appellare (провозглашать, обращаться с речью и пр.)' и на некоторые внешние данные из древних и.-е. языков, считает первоначальным

смыслом 'feierliche Nennung, торжественное праздничное оглашение имени', ср. гот. *liuþon* '(lob) singen, петь (хвалу)', др.-в.-нем. *liudōn* 'singen, петь' (Walde—Hofmann I, 776; см. еще Pokorný, 683, под звукоподражательным корнем **leu-* или **lau-*).

Более развернуто и точно, с опорой также на конкретные речевые обороты, эволюция значения интересующего нас латинского слова представлена у Эрну—Мейе, которые также считают, что древний смысл *laus* должен быть 'fait de nommer, citer, называть, упоминать' и что значение с оттенком *благоприятствования, благосклонности (acception favorable)* это слово получило в результате специализации. В том же словаре приводится среди других еще одна недвусмысленно толкуемая глосса: (P. Fest.) *laudare apud antiquos pro nominare* 'laudare у древних вместо *nominare*'. Данная этимологическая статья заключается очень важным для нас рассуждением: «cf. une spécialisation comparable dans *orare*, dans *fāma*, *infāmis* et dans le gr. αἰνός, αἰνέω «ср. подобную специализацию в *orāre* в *fāma*, *infāmis* и в греч. αἰνός, αἰνέω», и особенно, далее: «Le développement du sens favorable a pu être aidé du fait que *laus*, *laudāre*, *laudatio* servaient à désigner l'appel suprême que l'on adressait au mort, puis l'éloge funèbre qui s'est ajouté à cet appel (cf. *supremae laudēs*, *laudatiō funebris*, fr. *les laudes*). «Развитие благосклонного смысла могло закрепиться (в речи), потому что *laus*, *laudāre*, *laudatiō* служило для обозначения последнего зова, обращенного к мертвому, затем надгробной речи, которая добавилась к этому зову, ср. *supremae laudēs* (букв. последние надгробные похвалы. — *T. M.*) *laudatiō funebris* (букв. надгробная похвала. — *T. M.*), ср. фр. *les laudes* (Ernout — Meillet, 346).

Итак, первоначальное значение лат. *laus* было 'название по имени' (ср. лат. *nominatio*) 'зов', и соответственно, *laudare* 'именовать' (ср. лат. *nomināre*) 'называть'. Оба слова, вероятно, в своей исконной функции имели сакральный смысл и относились, видимо, к похоронному ритуалу, ср. приведенные выше германские параллели. Здесь уместно вспомнить греч. глагол ὀνομαίνω 'именовать и пр.', тождественный лат. *nomināre*, входивший у Гомера в формульное выражение φίλον δ' ὀνόμηεν ἐτήριον 'и любезного звал друга' (букв. 'звал по имени, именвал'), см. II, X, 522 (при убийстве Песа), XVI, 491 (при убийстве Сарпедона). Два случая XXIII, 178 и XXIV, 591 — особенно интересны в указанном смысле: оба раза выражение употреблено Ахиллом, когда он сам руководит ритуалом захоронения Патрокла. Но совершенно обнаженным, лишенным каких-либо поэтических аксессуаров, ритуал называния (по имени) умерших, правда, посредством развернутого оборота, содержится в IX песне Одиссея, когда Одиссей рассказывает о битве с киконами и о гибели своих товарищей: «Далее поплыли мы в сокрушенъи великом о милых // Мертвых, но, радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти. // Я ж не отвел кораблей легкоходных от брега, покуда // Три раза не был по имени назван из наших несчастных какждый, погибший в бою

и оставленный в поле» (ст. 62—66, пер. В. А. Жуковского). Буквальный перевод интересующего нас оборота выглядит следующим образом: пока трижды громко не прокричали (по имени) каждого из несчастных товарищей (*πρίν τινα τῶν θελιῶν ἐτίρων τρίς ἕκαστον ἄῶσαι*)⁷.

Для реконструкции исконного комплекса значений или более полного представления о семантическом поле лат. корня *laud-* имеют значение некоторые речевые обороты, засвидетельствованные в вульгарной латыни, которая была более ориентирована на живую речь, нежели искусственный язык классических литературных памятников, см. в словаре Дю Канжа (Du Cange, V, s. v.): *laudum* 'sententia arbitri, решение третейского судьи' (р. 43), также 'consensus, approbatio, согласие, одобрение'; *laudare* 'arbitrari, рассматривать, оценивать, держаться мнения, выносить решение (arbitrii sententiam ferre)', затем 'consilium dare, seu potius persuadere, давать совет, или лучше, уговаривать' (р. 40 s.); *laudator* 'arbitrator, третейский судья' (р. 43); *laus* 'consilium, совет' (р. 41); *laudamentum* 'consilium, consensus, совет, согласие'. В том же словаре отмечена фреквентативная форма из провинциальной латыни *laudare* > *lauzare*, сохранившая одно из самых исконных значений интересующего нас корня, а именно 'canere, commendare, петь, в том числе петь хвалу; прорицать; рекомендовать' (р. 47 s. v. *lausare*, со ссылкой на glossar, provinc. lat. ex. cod. reg.).

Обращаясь к романским продолжениям рассмотренных латинских слов, следует сделать весьма существенную оговорку, что, за исключением языка провансальской поэзии, мы вынуждены, к сожалению, продолжить анализ не на уровне контекста, а ограничиться семантическими характеристиками отдельных лексем, взятых из словаря Мейер—Любке.

Даже поверхностный взгляд на четыре словарных статьи в упомянутом труде дает возможность судить об определенном семантическом сдвиге романских рефлексов корня *laud-* в сторону, противоположную тому, что Эрну—Мейе называют *assertion favorable*.

Так, под *laus, laude* имеются, с одной стороны, ст.-франц. *los* 'хвала; согласие, соглашение' (ср. вышеприведенные выписки из Дю Канжа), др.-фрейбург. *os* 'награда', *aloser* 'хвалить', с другой сицил. *lauzu*, мальфетт. *louese* 'обвинение' (Мейер—Лübке, № 4944). К кругу полярных значений понятия *хвала* несомненно примыкает франц. *losange* 'лесть' (> прованс. *lauzenja, lauzenga* 'übbe Nachrede, злые наговоры, клевета' > итал. *lausinga*) 'Schmeichelei, лесть' (Мейер—Лübke, N 4947)⁸. Здесь необходимо сделать существенное уточнение, касающееся приведенных форм. Согласно романскому словарю Ренуара, а также нашим собственным наблюдениям, прованс. *lausenga* и пр. обозначало достаточно часто 'лесть'⁹, см. кроме того подлежащее исследованию *lauzengiers / lausengiers* 'лестец, воздающий хвалу':

Que lauzengiers bec d'ascona
Car son plan en far lur truelh

Ab lor mensionja forbida
Cuion falsar amor fina

«Ибо клеветники с наточенным языком — и они весьма способны к предательству — с помощью своей сладкой лжи надеются опорочить верную любовь» (Peire Raimon de Toulouse: Pos lo prims verjans botona. . .); ср. еще:

Daitan si perd qui ·m cuida plazer dire
Ni lausengas per mon cor devinar

«И тем более губит себя тот, кто думает, будто говорит мне приятные вещи и клевету, дабы разгадать мое сердце». (Arnaut de Maroil; Anc vas amor non pos rec. . .); затем 'клеветник, хулителъ':

Ges pels crois reprendors
Lauzengiers, cui desplatz chans
E gai solatz e valors
E largueza e bobans
No ·m dei tener de chantar
Ans me dei mieilhs alegrar

«Из-за низких хулителей, из-за клеветников, ненавидящих поэзию, изящные беседы и доблесть, щедрость и гордое великопение, я не собираюсь прекращать своих песен. Наоборот, я должен еще больше предаваться радости» (Paulet de Marseilla: Ges pels crois. . .).

Позволим себе, кроме того, привести некоторые устойчивые сочетания с лексемой *lauzengiers*. У Гаусельма Файдита находим: *fals lauzaengiers trichaire* 'лживые, обманывающие клеветники'; у Маркабрюна: *lauzaengiers trencans* 'наемные языки', *enganador lauzaengiers* 'обманщики клеветники', [*Lauzaengiers*] *mal parlier acusador* 'дурно говорящие обвинители'. Общим местом стали такие сочетания как *lauzaengiers lengua forbitz* 'клеветники с мягкими речами', *lauzaengiers mal dizen* 'злоречивые клеветники и т. п.'

Думается, именно употребление дериватов латинского корня *laud-* в значении 'лесть, льстец, воздающий хвалу' вызвало расщепление единого семантического поля; в терминах современной семантики эту речевую ситуацию можно назвать позицией нейтрализации при поляризации значений.¹⁰

К контаминации понятий хвала — лесть целесообразно сравнить характеристику русской лексики *лесть* в толковых словарях Ожегова и Даля. *Лесть* 'лицемерие, угодливое восхваление' (Ожегов 2, 283), 'проискливая хвала, притворное одобрение, похвала с корыстной целью и пр.' (Даль II, 249), там же относительно *льстить* 'хвалить кого-либо из лести, из корыстного желания расположить к себе' (Ожегов), 'соблазнять кого лестью, хвалить кого безусловно, облыжно, возносить из угодливости и пр.' (Даль).

Для реконструкции исконного значения лат. корня *laud-*, предложенного выше, важно отметить значение следующих роман-

ских форм: тарент. *losa* 'крик, призыв, мольба', корс. *losa* 'оплакивать' (Meyer—Lübke, N 4944).

Семантика непосредственных продолжений лат. *laudāre* 'хвалить' и *laudator* 'тот, кто произносит хвалебную речь', согласно тому же словарю Мейер—Любке (см. № 4938, 4939), изменений не претерпевала,

Теперь нам осталось особо рассмотреть семантическое поле старопровансальских дериватов лат. корня *laud-*, обратив более пристальное внимание на лексему *lauzengiers*.

Напомним, что в целом нами исследовано более 200 случаев употребления указанной формы.

Нетрудно заметить, что на уровне текста провансальские слова с корнем *laud-* выказывают практически всю гамму значений, фиксированных в романских языках.

Однако в силу двух противоположных тенденций, наблюдаемых вообще в архаических поэтических традициях и, особенно, в такой искусственной и формализованной системе, какой был язык провансальской поэзии, выразившихся в плане семантическом, с одной стороны, в направленном сужении (спецификации) значений слов с последующим, достаточно жестким закреплением функциональной семантики в жанровой структуре; с другой же стороны — в спорадическом возрождении менее терминологизированных оттенков первоначального смыслового комплекса, деэтимологизированных в обычном языке. Поэтому в провансальской поэзии ббльшая, по сравнению с другими романскими языками, амплитуда значений: от первоначального 'называть', народно-лат. 'советовать' до разившегося 'клеветать', минуя, кажется, значение 'произносить хвалебную речь на похоронах'.

Словари М. Ренуара и Э. Леви дают провансальские формы со следующим смысловым спектром.

Lauzar, lauzar

1) 'хвалить, прославлять' (=лат. *laudāre*):

Totz hom que so blasma que deu lauzar

Lauz' atressi aco que duc blasmar

«Всякий человек, который порицает то, что должен хвалить, хвалит то, что должен порицать» (Aimeric de Paguilain: Totz hom. . .);

2) 'одобрять, советовать' (выше ср. народно-лат. *laudare* 'consilium dare и пр.):

Drutz que pros don' abandona

Ben laus que .s gart de jauguelh

«Любовнику, который покидает благородную Даму, я советую остерегаться клеветы» (Peire Raimon de Toulouse: Pos lo prim. . .).

Lauzenja, lauzenga 'хвала, лесть'¹¹, 'дружба (?)', 'любовное служение (?)'¹²

Lauzengamen 'клевета, злословие'.

Наконец, наше *lauzengier, lausengier, lauzenjador*

1) 'воздающий хвалу; льстец':

Aisso son los lauzengriers que per lur belh parlar
Fan adormir los grans homs en lur peccat

«Это льстецы своими красивыми словами убаюкивают в грехе великих мужей»;

Adj: Quan lo bos drutz plazentiers
Es per proeza lauzengriers
Ves tozeta

«Когда хороший и приятный любовник из галантности [становится] льстецом своей Дамы (Г. de Hugues et de Baussan: Baus-san. . .);

2) 'клеветник, сплетник':

Ges lausengiers no m'esglaya
Ans Deu prec qu'els dechaya

«Меня совершенно не страшат клеветники, но я прошу Бога, чтобы он их унижил» (P. Bremon Ricas Novas: Ben deu estar. . .);

Ab pauc ieu d'amar no m recre
Per enueg dels lauzenjador

«Немного надо, чтобы я устал любить из-за неприятностей, которые причиняют клеветники» (Folquet de Marseille: Ab pauc. . .);¹³

Однако в некоторых контекстах проступают значения не окрашенные экспрессивно и возрождающие первоначальный смысл корня *laud-* в функциях анализируемого антикуртуазного персонажа (в данном случае это чрезвычайно важная функция *называния, угадывания любовной тайны Трубадура*).

Следует специально отметить место из Бертрана Карбонеля, где поэт как бы восстанавливает эволюцию этимологического смысла рассматриваемого корня:

D'omes truep que per amistat
Que auran gran ab lor amic
Lo lauzaran tan qu'ieu vos dic
Que non y aura la mitat
Pueis endevan c' an desamor
Don lo laus torna en blasmor
Per qu'ieu dic, pus que messongier
Son el laus que fan de premier
C'on non los deu creire del mal
Qu'en dizon pueis, si Dieus mi sal

«Я вижу людей, которые из большой дружбы к другу воздают ему такую хвалу — то я вам говорю, в ней не будет и половины правды, потом случается — любви больше нет, тогда похвала становится клеветой, поэтому я говорю, что раз лживы их похвалы, которые они делают сначала, нельзя

верить и в зло, которое они говорят потом, и да поможет мне Бог!» (Bertran Carbonel de Marseille: Coblas esparsas. . .); ср. также:

E no men de's dire
Lauzenjador¹⁴,
Q'ieu sia mentire,
Sai ni alhor,
Qu'ab fina lauzor
Fauc vostra valor
Venir ad honor
Ab sol que no'us tire
D'amor el gra aussor

«И он не лжет, называя себя в о з д а ю щ и м п о х в а л у, и пусть я прослыву лжецом здесь и там, если я не возвеличу вас до уровня любви, т. к. красивой похвалой я умножаю ваше достоинство» (Guilhem Peire de Cazals: Per re n'om tenria. . .).

Мы располагаем также очень редким примером употребления рассматриваемой лексемы в качестве прилагательного, со значением «благосклонный»:

D'estreigna maneira
Sol esser a m o r s.
Salvaia e guerreira
E mala totz jors
Er m'es lausengiera
Sus totz amadors

«Любовь обычно ведет себя странно, она ядовитая (?) и воинственная и постоянно враждебна, сейчас же она благосклонна по отношению ко мне, выше всех других любовников» (Peirol: La gran alegranza. . .).

Подводя итоги, позволим себе привести две глоссы провансальского рифмовника из «Donatz proenzals»: 2206 *lausengiers* — bilinguis, 3443 *lausenga* — adulatio vel verbum bilinguis¹⁵.

Из латинских эквивалентов явствует, что основным признаком выделяется двуязычие в качестве метафорического обозначения *лести-клеветы*.

Итак, проведенный на основе сплошной выборки контекстов семантико-этимологический анализ наглядно показывает, что лексема *lausengiers*, обозначающая основной антикуртуазный персонаж провансальской поэзии, развилась и была закреплена в специализированном значении 'лестец; клеветник' именно в поэтическом языке трубадуров.

Поляризация значений в лексемах, восходящих к лат. корню *laud-*, см., в частности, франц. *losange* 'лесть', сицил. *lauzu*, мольфетт. *louese* 'обвинение', наметилась и осуществилась также в других романских языках. В провансальской поэзии полярные значения лишь четко выкристаллизовались во множестве употреблений на уровне поэтической речи.

Примечания

- ¹ См.: *Jenroy A. La poésie lyrique des troubadours*, v. II, Paris; Privat, 1934, 110: «Слово засвидетельствовано в провансальском языке в двух формах *lauzengiers* и *lauzenjaire* (объективный падеж *lauzenjador*); оба слова являются дериватами от *laudemia*, т. е. корень *laud-*+суф.-*emia*; *lauzengiers* / *lauzenjaire* появляется с этимологическим значением 'лысец' уже в конце XI в. у Александра Альберика».
- ² См.: *Diez F. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen*. Bonn, 1887, 197; *Corominas J. Diccionario critico etimologico de la lengua castellana*, III. Bern, 1954, 109.
- ³ См.: *Мейлаш М. Б. Язык трубадуров*. М., 1975, 113 и сл.
- ⁴ *Lewis Ch. T., Short Ch. A. Latin Dictionary*. Oxford, 1980, 1043.
- ⁵ *Ibid.*, 1042.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ Пользуюсь случаем принести благодарность Л. А. Гиндину, указавшему мне на данные греческие семантические параллели.
- ⁸ Значение *lob* 'похвала, хвала', которым Мейер-Любке снабжает эту исходную форму, мы намеренно опускаем, так как у нас нет гарантии, что в разговорной латыни позднего периода в каких-то провинциях она не приобрела полярной окраски.
- ⁹ *Raynouard M. Lexique Roman*, IV. Heidelberg, 1927—1929, 29—31.
- ¹⁰ *Бенвенист Э. Общая лингвистика* (гл. XXVII, «Семантические проблемы реконструкции»). М., 1974, 333. Еще см.: *Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика*. — В кн.: *Принципы и методы семантических исследований*. М., 1976, особенно 168—171 (о «мнимой омонимичности» вообще и «реэтимологизации» в поэтическом языке); яркую семантическую параллель к развитию полярных значений в формах одного и того же корня с близкой рассмотренному романскому гнезду семантикой обнаруживает слав. **xula-*: *xvala (см. ЭССЯ, 8, 114 сл.).
- ¹¹ *Raynouard M. Op. cit.*
- ¹² *Levy E., Provenzalisches Supplement — Wörterbuch*. Leipzig, 1894—1915, I—III, s. v.
- ¹³ *Raynouard M. Op. cit.*
- ¹⁴ Как правило, в старопровансальском для обозначения понятия 'воздающий хвалу' служит лексема *lauzador*. См. *Folquet de Marseilla, Chantan volgra. . . : car sos pretz vol trop savi lauzador* «так как ее Честь требует очень мудрого [человека], воздающего хвалу».
- ¹⁵ *The Donatz proenzals of Uc Faïdit*, ed. J. Marschall, L., 1969.

Г. В. Топурия

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА ХИНАЛУГ

Селение Хиналуг расположено в горной части северо-восточного Азербайджана, в Кубинском районе, на северной границе с Дагестаном¹. На этой территории преобладает азербайджанское население, но в виде отдельных «островков» вперемежку с азербайджанцами живут и лезгины (говорящие на кубинском диалекте лезгинского языка) и носители других лезгинских языков — будухцы, крызцы, хиналугцы (т. н. шахдагская этническая группа).

Хиналуг, по-азербайджански — *Хыналыг* (а в местном произношении — *Хэналәу*) не является автохтонным названием. Жители этого одного аула (около 1800 человек) себя называют *ketš xalx*